

Бох и Шельма

Автор:

[Борис Акунин](#)

Бох и Шельма

Борис Акунин

История Российского государства в романах и повестях

«Бох и Шельма» – плутовская повесть о русском средневековье, а еще это уникальная возможность для читателя задуматься о ключевых вопросах, ответы на которые и сегодня остаются открытыми. Немецкий купец Бох знает, что русский парень Яшка – продувная бестия, но все равно нанимает его на работу. Зачем? Бох говорит: «На свете знаешь чего меньше всего? Нескучного. От людей мне давно скучно, а ты занятный. Дорога-то длинная». Изворотливый ум несет Яшке и удачу и беды – то он вор, а то герой. Начиная с мелкого жульничества, Шельма постепенно дорастает до первого крупного дела...

Борис Акунин

Бох и Шельма

© В. Акунин, автор, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 201

* * *

Житие несвятого Иакова

Еще раньше, чем Яшка увидел его самого, по толпе будто прошла рябь, как бывает, если по пруду плывет толстый гусь или величавый лебедь.

Людей всяк делит по-разному. Кто глупый – на красивых-некрасивых иль на хороших-плохих. Кто поумнее – на сильных-слабых иль богатых-бедных.

Яшка по прозвищу Шельма различал человекoв по стати и прыти – с первого взгляда. И ошибался редко.

Кто-то тяжелый и бредет через жизнь, будто хромой по каменистой дороге, всё кряхтит да спотыкается. Другой никакой – веса не имеет, земли почти не касается, лишь ножонками болтает, будто есть человек, а будто и нету. Третий бык быком: валит напролом через бурьяны, не посторонисься – затопчет. Бывают тихие, но опасные; змеей извивается, шипит негромко, зато язвит насмерть.

Сам Яшка про себя говорил: я – мотылек, с резеды на василек. Нынче здесь, завтра там, и всегда на солнышке. А вернее сказать, комарик. Потому что мотылек – букаха неплотная, некусачая, цветочным духом живет, а Яшке для пропитания требовался красный сок-кровушка. Много не надо, брюшко маловато, но положенное отдай. И за что комаров обижают, норвят прихлопнуть? Жалят они легонько, крови отпивают малую капельку – только от самых тучных. Им, пузанам, даже и для здоровья полезно.

Недавно, наблюдая, как юркий воробышка утаскивает у дурака-голубя кусок втрое больше себя, Яшка задумался. А ведь и он мог бы не крохоборничать, взять зараз три или четыре веса да зажить по-другому. Или не сдюжил бы, надорвался? Но мысли у Шельмы, как и он сам, были легкие, нецепкие. Не додумал думу до конца, перескочил на другое.

«Шельмой» его прозвал ганзейский немец Бох, о котором и вспоминать неохота, потому что зачем вспоминать плохое? Но, с другой стороны, и не забудешь, если

все глядят на лоб, спрашивают и приходится врать.

«Шельма» – немецкое бранное слово, пишется ихними латинскими буквами Schelm. Яшка всякую грамоту разбирал: и свою русскую, и латинскую, и татарскую. Любое наречие к нему приставало легко, потому что мотыльку-комарику полезная наука – одно порхание. И языков знал много, шесть или семь. На каждом изъяснялся так, что принимали за своего, имелся у него от природы на то особый дар. Оказавшись в чужом месте, среди чужих людей, он очень скоро приноравливался к тамошней жизни и становился своим. Всё в себе менял и даже звался всюду по-разному – как нарекут.

В отрочестве откликнулся на имя Ничейка, короткое от Ничейсын, потому что он и был ничей сын, отца-матери не помнил, родни не имел. Да мало ли, как когда Яшку звали. Вот третьего дня шел он через Торг по спешному делу (у Яшки все дела были спешные), вдруг сзади хватъ за рукав: «Татарчик! А ну постой!»

Человек какой-то. Лицо не то чтобы знакомое, но по «Татарчику» сообразилось: кто-то из Твери, где три года тому Яшка неплохо поторговал на базаре целительными зельями. Татарчиком его тверичи прозвали, потому что он объявился татарским знахарем, благо был скуласт, черняв и малость раскос.

Тверичанин этот, который схватил, говорит: «Ну, гад, у меня от твоей зелень-травы рожу на сторону перекосило. Душу из тебя выну, паскуда желтоглазая!»

И правда, рожка у него с одной стороны выпирала больше, чем с другой. А лапы сильные: ухватили- не вырвешься.

Шельма всплеснул руками, затараторил, ломая язык на татарский лад:

– Мила-человека, а ты как мазался? С одной щеки иль с двух?

– С двух!

– А с заговором? Сказывал я тебя колдовское слово али нет?

– С заговором. «Зеленюху-траву? на мою голову?, а траву-зелёнушку на чужу головушку».

– С ума ты сошла! Перепутала! – закричал Яшка. – Надо было: «Зеленюху-траву – на чужу голову, а траву зелёнущку – на мою головушку». Ты думай сам! Как это ласковое – да другому отдавать? Вот тебя, бачка, и разнесло. Ай, беда! Теперь вдвое лечить надо. Но это и вдвое стоить будет.

Отболтался, дело привычное – язык Яшку никогда не подводил. Еще и денег взял с тверского лопуха за горшочек грязи, которую, сбегав, на заднем дворе из лужи зачерпнул.

Один только раз не выручил язык, с немцем Бохом, про которого начало сказываться, да сбилось. Очень уж башковитый оказался немец, других таких Яшка в жизни не встречал.

Позапрошлый год поплыл он на корабле за море – из любопытства, мир поглядеть. К тому же надо было из Нова-города на время отлучиться, перешалил он здесь немного.

И принесло комарика морским ветром в хороший город Любек, ганзейскую столицу. Покрутился Яшка, принялся – устроился на хорошее место, к богатеющему купцу-гостю, который с Русью и иными странами вел торговлю красным товаром. Тому гостю как раз нужен был приказчик по русским делам.

Доверять новому приказчику хер Бох не доверял, потому что умные никому не доверяют, а ценить ценил. И пока Яшка приглядывался, что бы тут взять, жили они с хозяином ладно. Бох советовался про Русь и про торговое, посмеивался Яшкиным прибауткам, щедро платил. Его, Боха, и самого послушать было занятно – дядька тертый, бывалый, белый свет повидал даже больше Яшки. По стати и повадке определил его Яшка в особую породу, какой еще не встречал: был Бох похож на пузатый купеческий корабль, который плывет далеко-далеко, одному ему ведомым курсом, за великим хабаром.

Хозяин называл своего русского слугу «Йашка». Но это имя у Яшки тоже было не природное, не крестильное. По правде сказать, он и сам не знал, крещеный он или нет. Где появился на свет, тоже неизвестно. С тех пор как начал себя помнить, обитал в Новгороде – стало быть новгородец, хоть ни к одному из новгородских сословий не надлежал. Ни к «черному», ибо черной работой рук не грязнил, не имел такой привычки; ни к «житьемому» – по необладанию

собственным житьем и общей воздушности обитания; ни к купецкому – это надо большие обороты иметь, а взяться им неоткуда. Да и скучное это дело, коли честно торговать. А коли нечестно – надолго в сем почтенном сословии не удержишься.

Опять с одного на другое соскочило.

Про имя «Яшка». Оно образовалось вот как.

Когда-то давно, в детстве, ночевал отрок Ничейка в поле, в стогу, и приснился ему чудесный сон. Будто стоит в том поле многоцветная радуга. Подходит к ней Ничейка, и оказывается, что она не радуга, но лестница. И начинает он по ней подниматься, легко так, радостно. Наверху же нечто сияет, манит. Будто бы солнце, но золотее, чем солнце. Приблизился – золото и есть. Как грош золотой, но в тысячу раз больше. Протянул Ничейка руку – потрогать, а получится, так и себе забрать, но от волнения вскрикнул и проснулся. Жалко. Однако сон этот волшебный на всю жизнь крепко запомнил, потому что ничего красивее не видывал.

А лет десять назад, в городе Муроме, зимой, зашел в церковь, погреться. Поп читал проповедь, но Яшка (тогда еще не Яшка) сначала не слушал. На кой они нужны, проповеди? И вдруг краем уха поймал такое, что обмер. Старик священник рассказывал про лестницу, приснившуюся библейскому человеку Иакову. Поднималась та лестница до самого неба, и сияли на ней разные чудесные чудеса. Тогда-то решилось про имя: будет оно Яков.

Ах да, про Боха-то.

Когда Яшка прижился на купеческом подворье, освоился, сделал он потихоньку слепки от всех ключей и начал из железного сундука, где у хозяина хранились оборотные деньги, именуемые «капитал», по дукатику золотому вытаскивать, а на их место клал медные кругляшки? – поглубже, на самое дно. Рассчитывал месяцок-другой так подхарчиться, а потом дальше по ветру улететь.

Но попался уже на третий день. У немца, гада, сундук оказался хитрый, стоял на особых весах. А поскольку медь легче золота, Бох почти сразу заметил неладное – и, конечно, догадался, кто тут такой умный. Другие-то приказчики

все были дураки немецкие, им бы и в голову не пришло, а пришло бы – всё равно не попользовались бы, потому что немцы вообще дураки. Один только среди них умный – Бох, и надо же было Яшке именно на него угодить.

Попался с поличным – с рукой, запущенной в сундук. Будто кот, который сунул морду в крынку со сметаной да застрял.

Яшка, конечно, стал врать. Верткий ум и острый язык его из всяких переделок вытаскивали. Он-де заметил, что сундук ненадежен, и решил испытать, хороши ли за капиталом догляд, а коли не верите – всё золото, ране изъятые, лежат в надежном месте и на нем бумажка, и в бумажке той писано: «Сии дукаты надлежат честному херу Боху, коему прошу их и передать, если со мной, верным слугою Яшкой, случится какая беда». Бумажку такую он в тайник и правда положил, на всякий случай.

Но Бох на эту хитрость только посмеялся. Сказал: «По нашему закону за воровство положена тебе виселица. Но жизни лишать я тебя, черта желтоглазого, не стану, потому что жалко такую хитрую башку отдавать на поклев воронам. Однако и урок тебе дам на всю жизнь. Помечу как шельму. Чтобы каждый раз, глядя на себя в зеркало, ты знал, кто ты есть и как тебя на самом деле зовут. И чтобы Боха не забывал».

У Яшки от рождения посередине лба было круглое пятно медового цвета, которым он гордился, почитал знаком своей особенности. Волею хозяина прямо на родинке выжгли Яшке клеймо: букву S, первую в слове Schelm.

Потом поволокли, от боли орущего, кинули в трюм ганзейского корабля, уходящего в Новгород: плыви, плут, восвояси, откуда приплыл.

Зеркал на Руси, слава богу, мало, так что глядеться на себя Яшке было некуда, но люди, конечно, про кружок с загогулиной все время спрашивали – что-де за обозначение.

Отвечал он по-разному, глядя по надобности. Свою мету со временем Яшка даже полюбил, она была красивая, на Руси ни у кого такой не имелось. И полезная. Умному человеку всё на пользу. Довелось клейму побыть и персидским царским знаком, и колдовской печатью, и древним юдейским пророчеством, и много чем. Звучное слово «Шельма», русским людям непонятное, Яшке тоже понравилось. Взял себе в добавление к имени. Если ты объявляешь себя просто Яшкой – ясно, что человечешко ты мелкий. Иное дело «Яков Шельма» – хоть боярину в пору.

Но польза пользой, а Боха, ирода немецкого, Шельма по все дни помнил. Радовался, что больше не встретятся.

И вдруг – на тебе.

* * *

Придется вернуться в самое изголовье и начать заново, а то нескладно получается.

Стало быть, шел Яшка Шельма погожим майским днем по Ярославову дворищу, где всегда не протолкнешься, и заметил в толпе некое шевеление, будто волны по воде. Яшка на цыпки привстал (росту он был скромного): кто это такой важный, не посадник ли, не тысяцкий? Нет, вроде бы чужеземное посольство.

Ехали верхами какие-то люди, не по-русски одетые. Пригляделся Яшка к переднему всаднику – ох! В груди стало холодно, а посерединке лба, наоборот, горячо.

На толстом, сонном мерине ехал хер Бох, тоже толстый, с сонно прикрытыми глазами, седобородый, с круглыми румяными щеками, со сложенными на брюхе пухлыми маленькими руками. Яшка сначала не поверил зрению, потом испуганно присел. Он знал, что купчина только выглядит квелым, а на самом деле глядит зорко, не упускает никакую мелочь.

Что это его в Новгород принесло? Ради какой такой надобности?

Дальше – хуже.

За Бохом ехал его верный слуга конопатый Габриэль, самый страшный человек на свете. А может, и не человек, но исчадие подземное, чудище адское. Никого и ничего на свете Яшка не боялся, однако при виде Габриэля обратился в дрожащий лист. Вспомнил, как его, извивающегося, жуткое идолище держало одной клешней за шею, в другой же алело раскаленное тавро...

Оба – и Бох, и его цепной пес – были точь-в-точь такие же, как в Неметчине: хозяин в широком плаще, именуемом «мантель», и головном блине-барете; слуга во всем красном, кровавом, даже сапоги цвета сырого мяса.

Оно, конечно, купеческий дом «Бох Кауфхоф» торгует и с Новгородом, и с Псковом, а всё же за какой необходимостью сам хозяин в Руслянд пожаловал?

Всадники – их было десятка два – и крытые возы с чем-то тяжелым повернули к мосту через Волхов, в сторону Детинца. И хоть было Шельме любопытно, чего ради Бох оставил свой Любек, но все же не до такой меры, чтоб соваться к волку в пасть.

Учесывать надо было из Новгорода, подобру-поцелу. Нисколько не хотелось обретаться в одном месте с Бохом и его ужасным подручником. Земля большая, а комару улететь – сбор недолгий.

Надо было только в дорогу животишки сложить да с Пышатой без обид распрощаться. Потому что бабу обижать нельзя, особенно если видал от нее только хорошее.

А надо сказать, что от баб Яшка в жизни ничего, кроме хорошего, и не ведывал.

Вот сладко и весело жилось бы, если б на свете обитали одни женки. Попы говорят: жена – сосуд греховный, все беды от нее, но любой, у кого имеется голова с глазами и ушами, знает: всё прямо наоборот. Это мужики опасные, злодурные, чуть зазеваешься – обманут, хомут наденут, а то и убьют. Баба же –

существо заботливое, жалостливое, щедрое. Опять же на вид, на ощупь, на запах – с мужами и не сравнивай. На вкус, языком лизнуть, тоже сладкая, если молодая. Но и немолодые тоже хороши, им от тебя мало что надо – дай только полюбить, поухаживать. В детстве Ничейка ужасно завидовал ребятам, у кого мамка есть или, еще лучше, бабушка, – и погладит, и кусок даст, и нос подотрет.

Плохие женки тоже встречаются, но это такая же редкость, как хороший мужик. Некрасивых же баб не бывает совсем. В каждой, если умеючи глядеть, что-нибудь отрадное сыщется. В постельном деле красота ни при чем, оно темноту любит, а в темноте что Василиса Распрекрасная, что девка-чернавка – все одинаки. Ну, то есть не одинаки, конечно, но красота-то здесь точно невзасчет.

Шельма женскую суть проникал в доскональности, но понимание свое не выпячивал, и бабы его очень любили – за то, что чувствовали себя с ним красивыми и желанными. Не было павы, какую Яшка не смог бы улестить, если очень захочет.

Секрет простой: не уговаривай бабу на то, чего ей не надобно, а только на то, чего она сама хочет, даже если о том не догадывается. А им всем от мужчины чего-то надо. Сердца или плоти, ласки или таски, чтоб защитил или чтоб, наоборот, позволил себя защитить. Угадал, в чем потребность женки, – считай, твоя.

Взять нынешнюю приятельницу Яшкиного сердца, кормщицкую вдову Пышату Мелентьевну. Женщина дородная, в большой телесной силе, настоящего новгородского нрава – никакой обиды не терпит, умеет за себя постоять. В позапрошлый год поругалась с другой вдовой, которая держала такую же торговлю пухом-перинной. Слово за слово, вцепились в волосья, пошло на кулачки – еле растащили. Но за оскорбление и поношение чести Пышата Мелентьевна пошла к судье, и тот, замучась разбираться, которая права, приговорил истицу с ответчицей к «полю» – биться на ристалище, пускай Бог рассудит. Бабы вышли в кольчугах и шеломах, махались палицами, и сбила Пышата врагиню с ног крепким ударом. Получила в удовлетворение полтину денег и славу на весь Славенский конец.

Шельма на том поединке был, воительницей восхитился и решил, что такая-то ему и нужна. В ту пору он только вернулся из треклятого Любека. Дранный,

голый, с волдырем на лбу, с незажившими еще синяками от Габриэлевых кулаков. Как раз подыскивал бабу, чтоб подселиться.

Вызнал, что за Пышата такая, ладно ли живет. Оказалось, свой дом у ней, двор, лавка на Торге.

Походил денек-другой за богатыршей, присмотрелся. Как по площади утицей плывет, как в церкви бьет земные поклоны – и сразу же понял горячую ее душу, голодную на щедрость.

Дальше было легко. Подошел будто бы подушку купить. Завел неторопливую беседу – о своих странствиях, о тяжелых страданиях, и больше о последних, чем о первых, потому что женщины вроде Пышаты Мелентьевны не сильно любопытны, но очень жалостливы. Через полчаса слушательница ревела в три ручья, еще через малое время заперла лавку и повела мученика к себе домой, где он с тех пор и обретался, в сытости, чистоте и холе.

Как же с такой по-доброму не попрощаться? Может, еще вернуться судьба. Не навечно же Бох со своим поганым Габриэлем в Новгороде останутся.

– Собери-ка меня в малую дорогу, – сказал Яшка, входя в горницу, где Пышата как раз вынимала из печи противень с румяными, как она сама, пирогами. – Видение мне было, Гаврилы-архангела. Езжай, говорит, раб Божий, на богомолье в Печерскую обитель, не то беда случится с особой, какую любишь больше собственного живота.

– Что за беда, Шельмушка? – охнула Пышата. В ее ушах закачались эмалевые колтки, а пироги посыпались с противня на половик. К Яшкиным видениям она привыкла и верила в них бессомненно. Считала его ясновидящим, а что на самом деле значит «шелъм», не ведала.

Сразу и заплакала:

– Помру? Захвораю?

– Захвораешь навряд ли, здоровье у тебя крепкое. А помереть можешь, архангел врать не будет. Но я тебя своей молитвой спасу. Поспешить только надо. Лошадку мою запряги, рубаху сунь запасную. И пирогов положить не забудь. Горько мне от тебя уезжать, Пышата Мелентьевна. Лучше тебя бабы нету. Потому и еду. Чернецом, схимником сделаюсь, но тебя вымолю. А коли будет мне новое видение, что ты в неопасении, – вернись. Это как Бог даст. Ты надейся.

Вот как надо с женщиной расставаться. И обцеловала, и слезами умыла, а удерживать не стала. Вернешься к ней – вдвое любить будет. А если не судьба вернуться – останется у бабы дорогое воспоминание, которое она по гроб лелеять будет.

В недолгом времени вывел Яшка со двора лошадь с двумя дорожными сумами, махнул Пышате, чтоб не стояла у окошка, – дурная это примета, да и увидит, что он не налево, к Печерским воротам, а направо, к Московским поворачивает.

В сумках кроме пирогов лежали две штуки фламандского батиста, который на Москве идет в три цены против новгородской.

Повернул за угол – и встал, как заледеневши.

Там, прислонившись к забору, ждал страшный человек Габриэль, ростом с сажень. Свой красный колпак, прозванием «капушон», откинул на спину – тепло было, конец мая. На голом черепе, на неподвижной роже, на шее, на видной через распахнутый ворот груди рыжели мелкие веснушки.

– Комм, Шельм, – сказал Габриэль на своем корявом немецком. Он был родом не немец, а кто его знает кто. – Идем. Господин ждет.

Под свинцовым взглядом преужасного змея из Яшки разом вся сила – вон.

Поучение мудрого хитрому

Про взгляд Габриэля нужно особо сказать. Глаза у жути-нежити были круглые, белесые, немигающие, словно не человеческие, а рыбы. Или нет, наоборот: когда они смотрели в упор, казалось, что это ты рыба, а он рыбник – приглядывается, как вырезать из тебя требуху и жабры. На поясе, тоже красном, у Бохова помощника всегда висел большой железный гребень с редкими зубьями, острыми и длинными. Что он им причесывал, непонятно, ибо никакой растительности на голове у него не было. Еще болтался широкий нож в красных же ножнах, и мясистая, чуть не с окорок рука, лежала на рукоятке, но не в угрозу, а просто так, для удобства. Яшка и без ножа поплелся за страшилищем, яко агнец на заклание.

Повели его Варяжской улицей к Немецкому подворью. Где ж еще ганзейскому купцу остановиться? Там и контора ихняя, и кирха, и склады-амбары. Мейстеры с подмастерьями и кнехтами, приезжие купцы с приказчиками тоже селились на просторном дворе, со всех сторон обнесенном стеной – чтоб не заражали своим басурманским зловонием и дурными обыкновениями русской жизни. А может, немцы когда-то сами отгородились. Никто этого не помнил, давно было.

Шельма не раз бывал на подворье, так что брел, по сторонам не пялился. Зловещий провожатый вел его мимо смешной немецкой бани, мимо пивоварни и мельни в самый красный угол – туда, где в высоком и узком трехъярусном доме проживал альдерман, главный немецкий старшина. Видно, принимали здесь Боха как почетного гостя. Оно и неудивительно. Против такого человека и местный ганзейский альдерман невелика птица.

Еле волоча ноги поднялся Яшка по какой-то тесной лестнице, где солнце светило через цветные, об мелкую клетку, стекла, в горницу, по-немецки темную – всё резной дуб, да высокие стенные сундуки названием «шкапы».

– Этот к господину, – сказал Габриэль кнехту, стоявшему при высокой двери с ганзейским гербом. – Приказано.

– Пускай подождет, – был ответ. – У господина гость. Новгородский бургомайстер.

Поставили Шельму в углу, ожидать. А он ничего, не торопился на встречу. Хоть бы ее еще тысячу лет не было.

Габриэль его караулить не стал.

– Будь тут, – сказал. – Вызовут.

Да ушел.

И захотелось Яшке, конечно, сбежать. Он уже догадался, зачем его сюда приволокли. Из-за пешки!

У хера Боха была любимая игра, называется «шахи». Резные из слоновой кости фигурки на доске в черно-белый квадратик. Игра скучная, много в нее не выиграешь, потому что не словчишь и удача не поможет. Купец в шахи сам с собой играл, когда о чем-нибудь размышлял, а размышлял он часто. И вот, когда Яшку в тот страшный день, обожженного и вопящего, тащили из хозяйских покоев на позорное изгнание, а он за всё встречное руками хватался, попалась ему шаховая доска, и цапнул он с нее малую фигурку. В отместку. Чтоб напоследок хоть чем напакостить своему погубителю. Потом в плавании выменял у корабельного матроса на кусок окорока, жрать-то ведь надо.

Сбежать отсюда, из дубового чертога, было бы нетрудно. Вон она, лестница, вон он двор, и ворота нараспашку.

Останавливали три соображения.

Во-первых, коли Габриэль так его легко сыскал в чужом городе, еще вопрос – далеко ли убежишь. «Бургомайстер» – это, должно быть, сам новгородский посадник Онцыфер Юрьевич. Не погордился явиться к приезжему купцу. Да что посадник? Когда в город Любек сам германский император император Каролус пожаловал, давал херу Боху личный аудиенциум. «Бох Кауфхоф» торгует всяким редким, дорогим товаром для первейших богатеев, великих князей и государей.

Хозяин торгового дома всюду вхож, со всеми знаком. Попросит посадника – и вмиг сыщут раба божьего Яшку Шельму, из-под земли достанут.

Второе соображение было такое: поди докажи, что пешка Шельмой покрадена. Бох – он порядок любит. Нет доказательства вины – нет и наказания, сам говорил. Можно будет напомнить.

Ну и третье – вроде глупое, но оно Яшку больше всего держало. Любопытно было поглядеть на любекского купчину. Иногда Шельма скучал по ихним вечерним беседам. И жалел, что на тот клятый сундук позарился.

Пока колебался, дунуть отсюда, нет ли, стало поздно. Из двери, прощаясь по-немецки, вышел пузом вперед статный Онцыфер Юрьевич, главный новгородский муж, протопал мимо, на склонившегося Яшку и не глянул.

Следом выплыл старый знакомец Бох, заслонил своей чреватой особой весь проем. Поманил белым пальцем, будто только вчера расстались:

– А, Шельм. Заходи. Поговорим.

Побледнел Яшка, побрел.

Бох, не дожидаясь, сел к столу, покрытому конторскими книгами и пергаментами. Показал на середку комнаты: встань здесь. Стал Шельму разглядывать.

Был Бох старый, но при этом не старик. Движения все неторопливые, плавные, голос негромкий, повадка мягкая. Всегда одетый в широкое, просторное, он и в помещении никогда не обнажал седой головы. Носил на ней черную бархатную шапочку «калотту», а сверху, бывало, еще и барет. В этом тоже имелся свой смысл. Если в одной калотте – значит, в добром настроении и склонен поговорить. Если в барете – лучше не суйся.

Сейчас Бох был в одной шапочке, и Яшку немного отпустило. К тому же долго терпеть молчание он не умел. Не выдержал, спросил:

– Как меня Габриэль сыскал, майнхер?

– Очень просто, – ответил Бох. У него всё всегда было «очень просто». – Я попросил наших ганзейцев узнать, в городе ли ты. Они узнали.

В самом деле, тайна объяснилась несложно. Новгородские немцы нюхастые, всё про здешнюю жизнь и местных жителей знают. А только зачем было интересоваться, в Новгороде ли Яшка? Что он за князь такой?

Но про это спрашивать было боязно. Опять же – Шельма похолодел – увидел, что на столе стоит шаховая доска с расставленными фигурками, и одна пешка там не костяная, а деревянная.

Ой!

Перекрестился Шельма:

– Ни в чем перед тобой больше не виноват, вот тебе крест святой! Если что плохое про меня сказали – клевета!

Бох наморщил мягкий, круглый нос:

– Не клянись, не с дураком разговариваешь. – Поймал Яшкин взгляд, брошенный на доску. Пожал плечами. – Я тебя велел не из-за пешки найти. Пешка – пустяк. Деревяшку я даже полюбил. – Голос у него был не сердитый, а веселый. – Ты ведь стащил фигуру, чтоб я тебя вспоминал? Я и вспоминал. Видишь, мне вырезали человечка с круглой башкой и в ней дырочка?

Он протянул Яшке малую куколку. В самом деле: дырочка.

Бох засмеялся.

– Ты меня, я думаю, тоже не забыл.

И поглядел Шельме в середину лба. А потом, как часто бывало, заговорил совсем про иное, была у него такая неуютная привычка.

– Скажи-ка мне вот что. Ты, помнится, хвастался, что повсюду бывал. В ордынской столице доводилось?

– В Сарае-то? – удивился нежданному повороту Яшка. – Троежды. Живал подолгу.

– Язык татарский знаешь?

– Как русский.

Бох сам себе кивнул, довольный.

– А в Литве?

– Раз сто. И язык ихний знаю.

– А дорогу от Новгорода до Сарая, чтоб через Литву, знаешь?

– Дорог много. Я разными хаживал.

– Тогда у меня есть к тебе предложение. Поступай ко мне снова на службу, временную. Я еду в Сарай. Мне нужен провожатый, кто не только хорошо знает путь, но и хорошо знает мои привычки – что я люблю и чего не люблю. Скучно обучать нового человека. Доставишь меня и мой маленький караван до места – получишь двадцать золотых дукатов.

Под настроение Бох бывал разговорчив и мог подолгу рассуждать о какой-нибудь необязательной умности, но о деле всегда говорил коротко и точно.

Яшка был ошарашен. Не большущими деньгами, на которые можно припеваючи жить два или три года, а тем, что Бох зовет на службу. После того, что меж ними было!

Но сначала спросил не про это:

– А зачем тебе в Орду? Времена в Степи беспокойны. Все говорят, война большая будет.

– Потому и еду, чтобы большой войны не было, а обошлось маленькой. – Немец закончил разглядывать Шельму. Верно, высмотрел всё, что ему было нужно. Подпер рукой толстую щеку, махнул рукой на малую скамейку со звериными лапами. – Садись, Йашка. Разговор будет долгий.

* * *

И началась у них беседа, как в старые времена, когда сживали по вечерам у Боха в его библиотеке, то есть книжной комнате, и говорили о всякой всячине: бывало, хозяин что-то рассказывал, а бывало, что и Шельма. Слушать купец умел не хуже, чем словеса плести. Эх, хорошая была пора.

– Все говорят, что на свете борются две силы, но понимают их по-разному, – так начал Бох. – Отцы церкви утверждают, что это Бог и Дьявол. Философы – что Добро и Зло. А я смотрю на жизнь со своей купеческой точки и ясно вижу, что силы эти зовутся Торговля и Война. Когда в мире правит Война, он превращается в ад. Нет законов, покоя, доброты, понимания, созидания. Лишь разрушение, разорение, глумление, страдание, голод и смерть. Если же правит Торговля, жизнь не становится раем, но делается сносной и разумной. Пропадают голод и нищета, расцветает строительство, люди не вгрызаются друг другу в глотку, а предпочитают договариваться. Товары и новшества свободно перемещаются из края в край земли. Всё время изобретается что-то новое. Человеки работают и шевелят мозгами, думая, как бы добыть побольше денег. Ибо деньги, Йашка, – производное от ума и трудолюбия. Тут чего-то одного недостаточно, нужны оба ингредиенса.

Здесь по Шельминому лицу, должно быть, прошло некое движение. Бох погрозил пальцем, сбился со своей проповеди:

– Хитростью добыть денег, конечно, можно, но не очень много и ненадолго. Если ты этого еще не понял, загляни в зеркало.

– Понял, понял, – быстро молвил Яшка. – Я чего? Сижу, слушаю.

– Вот и слушай. Торговля подобна кроветоку. Она перегоняет товары и знания меж членами и органами тела, имя которому Человечество. Война лишь попусту проливает кровь Людного Мира, Торговля же качает ее и насыщает. Знаешь, что такое Добро и Зло?

Шельма помотал головой. Ему о таких вещах задумываться не доводилось.

– Это очень просто. Добро – всё, что во благо Торговле. Зло – всё, что ей во вред и на пользу Войне. Согласен?

Яшка кивнул. Войну он тоже сильно не любил.

– А теперь гляди, что творится на земле в сей год, по вашему русскому летоисчислению от сотворения мира 6888-ой.

Бох пододвинул ближе доску, смел рукавом фигуры.

– Вот здесь, на самом западе Европы... – Поставил в уголок двух малых пехотинцев, черных. – ...Англичане враждуют с французами, а германские княжества грызутся друг с другом. – Поставил белую пешку. – Итальянцы меж тем работают, богатеют, производят много хороших товаров. Но весь этот угол, Шельм, большой важности не имеет. Видишь, я поставил сюда одних пешек. Знаешь почему? Потому что настоящая сила не на Западе, а на Востоке. – Купец взял всех царей с царицами, расположил кучкой на противоположном конце доски. – Всё главное там – в Китае, в Индии: многолюдство, богатство, завидный товар, ученые открытия. Когда Торговля обеспечивает свободное обращение крови меж Востоком и Западом, древо Человечества растет и зеленеет. Артерий три. Одна – через Египет и Святую Землю, но сейчас этот путь перекрыт мамелюками, которым пиратствовать выгоднее, чем торговать. Другая шла через Византию, однако ныне обрезана турецкими варварами – османами. С ними сговориться невозможно, они люди Войны и поумнеют еще нескоро. До недавнего времени Восток с Западом торговали по третьей дороге – через Великую Степь и Золотую Орду. Так товары попадали в Крым, в Новгород, в Литву, а оттуда и дальше. Но и здесь собираются тучи.

Бох со стуком впечатал в середину доски одну за другой три фигуры: черную башню и двух черных слонов.

– Тут расположены три могущественных татарских королевства. В Самарканде правит грозный эрцгерцог Тамерлан. Золотая Орда разделилась на две державы – Синюю Орду и Белую Орду. В первой сидит воинственный король Тохтермиш, во второй – канцлер фон Мамай, правящий от имени юного короля Магомет-Булака.

Бох коверкал татарские имена на немецкий лад, и Яшка не сразу понял, что Тамерлан – это самаркандский эмир Тимур-Ленг, «Тохтермиш» – хан Тохтамыш, «канцлер фон Мамай» – сарайский беклярбек (то бишь главный воевода) Мамай, а «Магомет-Булак» – тамошний же хан Мухаммед-Булак, Мамаев воспитанник.

– Все эти три потентата ненавидят друг друга и готовятся к войне. А войска у каждого больше, чем у всех европейских государей вместе взятых. Когда в Великой Степи начнется великая бойня, торговле с Востоком наступит конец. И надолго.

– А у нас про татарскую вражду не говорят, – удивился Яшка. – Только, что будет война меж Москвой и Мамаем.

Купец пренебрежительно скривил сочный рот:

– Это война малая, важности она не имеет. Сколько понадобится канцлеру фон Мамаю, чтобы привести в покорность московского эрцгерцога Димитра? Два месяца? Три? Не больше.

– Как сказать, – усомнился Шельма. – За великим князем Дмитрием Ивановичем, почитай, вся Русь. Ну, или почти вся, – добавил он, вспомнив, что новгородцы с тверичами решили против Орды не ходить, а Рязань с Москвой в ссоре. Многие на Руси только рады будут, если Мамай с москвичей спесь собьет. Больно властен и алчен великий князь московский. В Новгороде его больше, чем татар боятся. Опять же татаре далеко, а Москва – вот она.

– Что такое «Русь»? – Бох пожал плечами. – Не страна, одно название. Вроде Германии. Князьки рвут друг у друга куски, сосед для них хуже татарина. А в Степи правят по-настоящему великие государи. Начнут между собой воевать –

нескоро закончат. Затем я и еду в Сарай, чтобы не допустить большой войны. Еще хочу учредить свою торговую контору на полпути между Востоком и Западом – в Хорезме или в Самарканде. Сам знаешь, дорога из Европы в Китай занимает девять месяцев. Но если открыть собственное отделение на половине пути, выйдет огромная выгода. Отсюда, из Новгорода, до Сарая можно добраться с товаром за два месяца. И еще за сорок дней в Хорезм. А там уж будут ждать на складах товары, доставленные из Китая и Индии. Шелк, пряности, благовония, драгоценные камни, ароматный сандал, – мечтательно произнес купец, и его голубые глазки замаслились. – А мы бы привозили с запада фламандские ткани, цветные кожи, янтарь. Индийцам теплых одежд не надо, а вот китайские вельможи охотно покупали бы русские меха... Все бы работали, все бы богатели, все бы учились друг у друга ценному.

– Не пойму я что-то. – Яшка почесал затылок. – Хорезм у Тимур-Ленга, Тамерлана по-вашему. А ты едешь в Сарай, к Мамаю. Пошто?

– Так надо, – коротко ответил Бох. – Везу канцлеру заказной товар. Какой – тебе пока знать незачем. После сам увидишь... Ну что, послужишь мне? Проведешь мой караван? Только учти: из новгородских владений мы повернем в Литву, а потом проследуем через земли Рязанского герцогства. Москву обойдем, мне ее не надобно.

Шельма и сам Москву недолюбливал – как и положено настоящему новгородцу, жителю самого большого, свободного и богатого города на Руси. Москва, конечно, тоже мясиста, но там предприимчивому человеку настоящей воли нет. Захочет великокняжий слуга тебя прижать, и не пикнешь. А в Новгороде попробуй-ка, власть, подури: враз в вечевой колокол ударят.

– Через Москву ближе выйдет, – всё же сказал Яшка, уже рассчитывая путь, хотя сомнение, наниматься ли к Боху на службу, у него пока оставалось.

– Ближе не всегда значит короче. – Купец провел пальцем по бороде, будто собирался полакомиться вкусным. Так он делал, готовясь что-нибудь рассказать, и Яшка уселся поудобнее. Сказы у Боха были занятные.

– ...Однажды был у меня партнер, некий Готлиб из Бремена. Собрали мы с ним большой караван в Персию: шерстяные и льняные сукна, узорчатые сапоги, конскую сбрую и серебряные слитки, которые тогда в Европе были дешевы.

Добрались до Адриатики, а там заспорили. Готлиб хотел взять корабль и плыть прямо в Сирию, откуда до Персии близко. Он говорил: через полтора месяца на месте будем. Я ему в ответ: пиратов много, давай лучше сушей. Но мой компаньон ни в какую. Без риска, мол, большой прибыли не бывает. Поделили мы с ним товары, и поплыл он ближней дорогой, а я отправился дальней – через Сербию, Византию, Малую Азию. Тогда это еще можно было. Полгода добирался я до Персии. Беспокоился, что бывший партнер мне все цены собьет. Однако Готлиб не попал в Персию. Его схватили египетские пираты, весь груз отобрали, а самого продали в рабство в Алжир. Оттуда я выкупил беднягу только через четыре года. Нищего и к тому же оскороленного, ибо он попал на службу в гарем. Понял, Шельм, к чему мой рассказ?

– К тому что Москва с Мамаем не ладит, и если ты напрямки поедешь, можешь без всего остаться. Отберет Дмитрий Московский твой товар, да еще оторвет тебе то же, что алжирцы Готлибу.

– Не жалко, оно мне без надобности, – засмеялся старый купец. – Товар жальче, но и не в товаре дело. Жалко великих планов. Однако суть ты ухватил правильно. За сметку тебя и ценю.

Вот теперь настало самое время спросить о том, из-за чего Яшка пребывал в колебании.

– Даже после того, что в Любеке было?

– Именно из-за того, что было в Любеке. Ты шельма, но ты не дурак. Знаешь, что со мной шутики шутить не стоит. Второй раз не дерзнешь. Верно? – И опять со значением поглядел на лоб с отметиной.

– Да я раньше сдохну, чем попробую твою милость обмануть! – вскочил с сиденья Яшка.

– Наоборот, – добродушно молвил Бох. – Сначала попробуешь, а сдохнешь потом. И наверняка. Я редко кому даю второй шанс, а третий – никому и никогда. Так что ценю я тебя не только за сметку, но и за полную между нами очевидность. Ты шельма, я это знаю. И ты знаешь, что я знаю, что ты шельма. Значит, мы не можем ввести друг друга в заблуждение. А еще ты знаешь, что я умею наказывать. И умею находить тех, кто мне нужен, где бы они ни были. Еще не

бывало человека, который мог бы от меня спрятаться, если я его ищу.

- Твоя правда, – склонил голову Яшка.

Дурак он был, что позарился на те дукаты. Умный человек должен соображать, с кем связывается.

Вдруг сделалось ему легко и радостно. Представил долгую дорогу в Сарай, да с таким сотоварищем, да за щедрую плату.

- Говорить с тобой будем, когда ты барет снимаешь? – спросил Шельма. – Как тогда, в Любеке?

Засмеялся Бох:

- Будем. По правде говоря, я тебя и из-за этого беру. Слуги мои честны и мне преданны, но с ними об интересном не поболтаешь. Скучал я по тебе, русский плут. Ну что, мир и старое позабыто?

Скрепили договор рукопожатием.

Слово о дальних странствиях

И уж Яшка расстарался. Знал, чем хозяину угодить.

Хозяин не должен видеть, как подручный человек хлопочет и обустроивает мелочи. Будто всё своим хотением образовывается, и дорога-матушка сама под ноги ковром стелится.

Выдал купец Шельме мошну серебра на расходы. Чтоб нанял охрану, закупил пропитание, овса для лошадей и прочего, по потребности. Дал сроку неделю.

Через три дня Яшка предстал перед господином, скромно-благостный. Сказал: «Коли твоей милости угодно, можно хоть завтра в путь». И мошну протягивает.

Купец седые брови сдвинул, пересчитал серебро – изумился. Денег не меньше, а больше стало.

– Как это понимать? – говорит. – Тебе было дадено две тысячи серебряных грошей, а тут две с половиной. Одна охрана, полсотни воинов, мне сказывали, в пятьсот, если не в семьсот встанет.

– Очень просто, – дозволил себе Яшка спересмешничать любимую присказку немчина, однако без ухмылки, а почтительно. – На охрану тратиться ни к чему. Новгородские земли спокойные. Если и попадется ватага разбойников, то невеликая. Литовцы ганзейского каравана не тронут, им себе дороже с вами ссориться. Рязанское княжество мы краешком пройдем, пустыми полями. Там не живет никто, лихих людей нету. А дальше татарская степь, в ней никто озоровать не смеет. Мамай не позволяет.

– Но почему денег стало больше?

– Потому что я лошадей с повозками продал. Не нужны они нам.

– Как так?!

– Мы реками поплывем, оно чище и приятней. А понадобится сушей везти – новые возы на месте купим. Много дешевле выйдет, чем в Новгороде.

Повел Шельма купца на волховскую пристань, а там уж стоит, покачивается крепкий насад, нанятый у знакомого корабельщика вместе с тягальщиками-бурлаками. Немецкий груз для Сарая лежал в чреве судна: четыре зашитые в рогожу, опечатанные сургучом штуквины вроде недлинных бревен, сильно тяжелые – кнехты каждую вчетвером тащили, да несколько небольших бочонков, непонятно с чем, но довольно легких. Очень Шельме было любопытно, что за товар такой, прямо голову сломал. «Бох Кауфхоф» торговал вещами

дорогими и редкими, какие надобны знатным особам. В бочатах могли быть засахаренные плоды-ягоды, немцы искусно готовят это драгоценное лакомство. Но в рогожах-то что? Ничего кроме статуй, какими дворцы и храмы украшают, Яшке на ум не приходило. Когда при ударе о причал свертки лязгнули, Шельма понял, что угадал: медные либо бронзовые фигуры – во украшение ханских чертогов, вот что это такое.

Бох обошел корабль от носа до кормы и сверху донизу, остался очень доволен, а более всего оценил Яшкину заботу о хозяйском удобстве. Зная привычки немца, Шельма велел поставить на палубе шатер. Пожелаешь – верх откидывается, и можно на звезды смотреть, Бох это любил. Внутри мягкие подушки – лежать, кресло – сидеть, столик для писания.

– Молодец, не ошибся я в тебе, – молвил купчина. – Завтра с утра поплывем.

Поплыли.

От Нова-города вверх по Мсте; у волока разгрузились, и бурлаки обратились волочильщиками, дотащили насад до Волги, невеликой речки. Там Шельма новгородскую артель рассчитал, потому что до самой Ржевы плыть было всё вниз по течению.

В городе Зубцове надо было поворачивать – дальше начиналась Тверь, куда заплывать незачем. Тверичи новгородцев не любят и после недавней войны к себе не пускают.

Наняли новых бурлаков, тянуться вверх по реке Вазузе до Вязьмы, литовского городка. Оттуда, через литовскую же Калугу, надо было доплыть до города Одоева, а дальше водный путь заканчивался и начинался сухопутный.

Речное путешествие шло гладко и покойно – за исключением одной жуткой жути, о чем сказ впереди.

Днем Бох играл сам с собой в шахи, или щелкал на абакусе, записывал цифирь, или просто смотрел на берега и реку, надев свой барет, и это означало, что

подходить к нему нельзя – думает, а о чем – поди знай. Ночью, если звездная, немец подолгу глядел в небо через медную трубку. Зачем – опять непонятно.

Но если у купца на седой голове была одна бархатная калотта, а сам он не писал и не двигал по доске фигуры, Яшка смело к нему подходил и заводил беседу, это не возбранялось. Иногда, правда, посреди увлекательного разговора, Бох вдруг становился рассеян и лез в мантильташ за грифельком. Мантильташ – это у немцев такой лоскут, пришиваемый поверх плаща-мантиля, навроде малой сумки. У хозяина в том хранилище лежали мелкие полезные вещицы: печатка – к письму прикладывать, книжечка для цифири, грифель чем в книжечке писать и складной ножик чем острить грифель. Если Бох начинал калякать по бумаге, Яшка сразу отходил. Знал: сейчас господин и барет нацепит.

Тогда Шельма отправлялся к кнехтам, чесал языки с ними. Не больно-то увлекательные выходили беседы, но молча Яшка существовать не умел – если, конечно, не был занят делом.

Единственный, с кем он никогда не заговаривал и даже близко не подходил, был страшный Габриэль. К нему и немцы не совались, боялись.

А ужасному человеку, кажется, никто был и не нужен. Он обычно сидел на борту, свесив наружу ножищи в красных сапогах, и делал одно из двух: либо почесывался в разных местах, прежде всего по плешивой макухе, своим редкозубным железным гребнем – вот, оказывается, для чего висел на поясе сей предмет (так, во всяком случае, думал Яшка, пока не случилась жуткая жуть, про которую уже скоро); либо же вымастыривал нечто более удивительное – широким ножом с невероятной искусностью вырезал цветы из всякой снеди. Годились ему и яблоко, и свекла, и репа, и морковина – что угодно. Мог и слепить цветок – например, из хлеба или мягкого немецкого сыра. Розы, ромашки, толипаны, лилии выходили из костлявых пальцев будто живые, и даже краше, чем живые. Но заканчивалось всегда одинаково. Габриэль долго вертел готовый цветок, разглядывал что-то, подправлял, а потом, налюбовавшись, сжирал. Глядеть на это было тошно – Яшка отворачивался.

Однажды, когда Бох был в разговорчивом настроении, Шельма набрался смелости и спросил: отчего это Габриэль такую красоту жрет, не сохраняет?

– Я думал про это, – ответил купец. – И вот что мне кажется. Габриэль страшный, правда?

– Бррр, – подтвердил Яшка.

– Самые страшные люди – те, кто не находит в жизни ничего достойного и красивого. Им ничего и никого не жалко, от этого они безжалостны. Но красоту они тоже чувствуют и тоскуют по ней сильнее, чем остальные. Габриэль делает красоту своими пальцами, потому что не находит ее вокруг.

Шельма подумал-подумал – развел руками:

– Чего-то я не понял.

– Может, я всё это напридумывал. – Бох задумчиво погладил бороду. – Я люблю придумывать. Почему бы тебе не спросить у Габриэля самому?

Яшка поежился. Купец же засмеялся, он нынче был весел и словоохотлив.

– Рассказать, как я взял его на службу? Ну, слушай... Был я по делам в Константинополе и однажды увидел, как у городской стены рубят головы захваченным арабским пиратам. Осужденных преступников было не меньше тридцати, а палач всего один, но в своем жестоком ремесле великий мастер. Мне нравится наблюдать за теми, кто красиво делает свое дело, даже такое страшное. Палач двигался легко, точно и изящно, будто королевский танцовщик. Головы слетали с плеч и сами откатывались в положенное место; кровь била струями, но ни одна капля не попадала на белоснежное одеяние палача. Должен сказать, что на казнь Габриэль всегда переодевался из красного в белое.

– Так вот он кто. Кат! – ахнул Шельма, с ужасом и отвращением оглянувшись на Габриэля, хрупающего несказанной красоты розу, которая была вырезана из большой луковицы.

– Да. Он служил главным палачом в константинопольском Санктории, ведомстве казней и пыток. Чем древнее страна, тем изощренней там истязают и умерщвляют людей. А Византии уже тысяча лет, ее палачи славятся как на Востоке, так и на Западе. Габриэль был лучшим из них. Никто не умеет убивать искуснее. Поэтому я переманил его из Санктория.

– А зачем тебе слуга, который искусен в убийстве? – боязливо спросил Яшка.

– В мире без убийств нельзя. Так не лучше ли, если это делается искусно? Габриэль хорош еще и тем, что убивает безо всякой злобы – как дровосек, срубающий дерево.

Черт знает, кто из вас страшнее – ты или твой аспид, подумал Шельма, слушая рассудительный голос Боха. А тот еще не наговорился.

– Знаешь, когда я окончательно решил забрать его с собой? Спросил у начальника Санктория, как Габриэль ведет допрос, какие применяет пытки. Я очень не люблю тех, кто упивается мучительством. Убивать – одно дело, на этом держится вся природа. Терзать беззащитную жертву – совсем другое, придуманное негодяями. Начальник Санктория сказал: «Мой старший мастер редко использует клещи и сверла. Он просто берет за плечи, смотрит в лицо, и человек сразу рассказывает всю подноготную. Допрос проходит быстро и чисто. У Габриэля такие глаза, что я и сам стараюсь не встречаться с ним взглядом».

И Яшка вспомнил, как в страшный день прижигания клеймом хотел скакнуть в окно и даже было вырвался из цепких лап Габриэля – но оглянулся на чудище и окоченел, замороженный ледяным взглядом.

Тряхнул плечами, прогоняя скверную картину. Спросил про интересное:

– Ты переманил его у греков? Посулил больше денег? Сколько?

– Габриэль равнодушен к деньгам. Ему нужно, чтобы говорили, кого убивать, а в остальное время не мешали делать съедобные цветы. Душа этого существа таинственна. Про себя я называю его «Раб красоты». Ты спрашивал, зачем он ест цветы. Попробую объяснить еще раз. Истинный ценитель красоты знает: по-настоящему прекрасно лишь то, что недолговечно. Подлинная красота – то, что принадлежит тебе одному. Многие уверены: сделать что-то своей безраздельной

собственностью можно, лишь поглотив предмет вожделения без остатка. Когда Габриэль съедает красоту, она навсегда остается с ним. Поглощение – высшая форма собственности.

Замудрился ты что-то, дядя, подумал Яшка. Собственность – то, что можно продать. А съеденное продашь разве что золотарям, которые дерьмо из выгребных ям покупают и на удобрение возят.

– Как же ты переманил его, если не деньгами?

– Очень просто. Дал ему посмотреть мне в глаза и не отвел взгляда.

– И всё?

– А ты попробуй. Палач прежде не встречал людей, которые его не боятся. Мы с ним довольны друг другом. Я ему говорю, что делать. Он исполняет, в точности. Уговор такой: убивать только по моему приказу, а больше никого не трогать.

* * *

Скоро после этой памятной беседы и случилась жуткая жуть, про какую уже говорено.

Было это на литовской реке, название которой Яшка позабыл. В лесном краю где-то между Воротынском и Козельском.

Бурлаки тянули насад против сильного течения, медленно. Пели натужные песни невыносимой тоскливости.

Заводил старшой, мужик жилистый и нудный. Такие же у него были и запевки.

«Ай, тянитесь, навалитесь, ай тянитесь, навалитесь» – раз с тысячу, пока не придумает новое, не лучше старого. То какая-то «дубинушка-кровинушка», то «ухнем-разухнем». Надоел – мочи нет.

И позвал купец Яшку пройтись по берегу – не по тому, где тягальщики орали, а по противоположному. Там хоть поговорить было можно.

Шли в тенечке, по шелковой июньской траве-мураве, говорили о разных разностях. Сзади топал Габриэль, чесался на ходу своим железным гребнем: весь красный, поджарый, перетянутый поперек чресел широким кожаным поясом такого же красного цвета. Бох даже спросил, не сильно ль затянулся, не туго ли ему, – вот какой заботливый к своему страшилищу. Габриэль только похлопал себя по брюху: ничего, мол. Яшка никогда не видел, чтоб душегуб снимал тот пояс, либо куртку, либо сапоги – даже на палубе в жаркий день. Самое большее – колпак с голой веснушчатой башки откинёт. И не потел никогда, дьявол.

Шествовали они так бережком через кусты-деревья, и вдруг в укромном, не видном с реки месте, выскочили на гуляющих сбродники, семеро.

Сбродники – это разбойники, хуже которых нету. Разбойники, конечно, все волки, но за годы странствий и блужданий Шельма научился разбираться в лесных, степных и городских хищниках. Есть новгородские ушкуйники, которые почти что и не разбойники, а просто лихие люди. С ними всегда договориться можно. Есть лесовики – это беглые боярские холопы, их только дурак не обдурит. Есть отбившиеся от своих татары, с которыми надо своим братом татаринном прикинуться. Еще бывают польские, московские и литовские дезертиры. Они люди военные, их можно за собой на какое-нибудь прибыльное дело повести, а по дороге сбежать. Каких только татей Яшка за свою жизнь не убалтывал. Гибкий язык – оружие понадежней сабли. На железное-то оружие Шельма никогда не полагался, даже и не носил его. Если не выручит ум, все равно быстрые ноги надежней, чем сильные руки.

Но со сбродниками не договоришься. То злодеи совсем гиблые, кто сначала убивает, а потом уже грабит.

Эти вот вылетели из зарослей с ножами-дубинами. Ощеренные, молча. И Яшка сразу понял: сбродники!

Успел все-таки схватить купца за руку, потащил назад, сам закричал сразу по-русски, по-литовски и по-татарски: мол, не убивайте, откупимся. От таких слов всякий приличный разбойник остановится. Спросит: чем откупаться будете? Эти

же будто и не слышали.

Догнали бы они Яшку с немцем, положили бы на месте, но Габриэль оттолкнул бегущих к толстому дубу, сам встал впереди, грозно положив руки на пояс. И сбродники на саженого верзилу с разбега не кинулись – обступили полукругом. Увидели, что теперь путники никуда не денутся.

Шельма немного ободрился. Попробовал сказать про откупное еще на нескольких языках. Однако сбродники были совсем дикие, звериного образа. Черт знает, откуда их занесло в эти леса. Ни по-русски, ни по-татарски, ни по-литовски, ни по-польски, ни по-валашски не понимали.

Таких страшных Яшке встречать не доводилось.

Были они смуглые, кудрявые, черноглазые, у каждого в ухе железная серьга. Серьга-то ладно. У самого здоровенного, видимо главаря, вместо пояса была повязана длинная девичья коса, русая, и к концу присохло что-то бурое – видно, резал с головы прямо с кожей. У другого, широкого, на плече лежала секира, к лезвию которой присохло серое, багровое – глядеть страшно. Не иначе малое время назад мозги кому-то выплеснул. Еще был один с ожерельем на шее, вроде как связка сушеных волнушек. Яшка присмотрелся – матушки мои, это ж уши человечьи!

Все разбойники были косматые, заросшие густой черной бородицей до самых глаз – кроме одного, совсем еще парнишки – голормордого, с птичьим носом.

Сбродники глядели на Габриэля, который был на полголовы выше их вожака. Видно, примеривались, как его свалить. Боха и Шельму не опасались, даже не глядели.

– Беда, хозяин, – шепнул Яшка. – Давай хором шумнем, кнехтов позовем. Может, успеют...

Но сам видел: нет, не успеют кнехты. Пока насад к этому берегу причалит, пока высадутся, будут валяться в кустарнике лишь нагие трупы.

– Не надо, – спокойно ответил Бох, приглядываясь к разбойникам. – Габриэль справится.

– Да их семеро!

– А хоть бы семижды семеро... – И тронул за плечо своего подручника. – Габриэль, можно! Кроме мальчишки.

Длинная и проворная фигура пришла в движение.

Руки оторвались от пояса. В одной был широкий нож, в другой взятый за рукоять гребень. Прыгнув вперед, Габриэль, будто играя, небрежно качнулся вправо – самым кончиком клинка рассек горло атаману; качнулся влево – воткнул острую чесалку прямо в кадык разбойнику со связкой мертвых ушей.

Присел, увернувшись от секиры.

Поймал меж железных зубьев лезвие тесака.

Распрявился.

Разом, одновременно, вонзил татю с секирой в сердце нож, татю с тесаком кровавый гребень в живот. Вывернул. Локтем сшиб наземь подростка – тот повалился ничком и не встал.

Всё это произошло, пока Яшка разевал рот и набирал воздуха, чтобы заорать. А когда завопил, дело уже закончилось. Остатние два сбродника бросились наутек, но убежали недалеко. Габриэль – раз, два – кинул им вслед свои железки, те угодили обоим точнехонько в основание затылка.

– А-а-а-а!!! – закричалось, наконец, Шельме, да можно было уже и не надрываться.

Семь тел лежали на траве неподвижно, Габриэль прохаживался между ними, нагибался, проверял, мертвы ли.

Мальчишку, оглушенного, но живого взял за порты и ворот, поднял, показал Боху.

– Зашвырни его подальше, – велел немец и зажал Яшке толстой ладонью рот. – А ты перестань драть глотку. Ухо заложило.

Великан размахнулся, кинул отрока так, что тот с грохотом обрушился на куст колючего терновника. Заорал, вскочил, понесся со всех ног.

Шельма стоял, икал от ужаса. А Боху хоть бы что. Даже в лице не переменялся. Доблестному спасителю Габриэлю и спасибо не сказал, лишь указал перстом:

– Пояс поправь. Расстегнулся. – И молвил как бы сам себе: – Может, зря волчонка отпустил... Ладно, пускай побегаёт. Что-то живое было в глазах... А если я ошибся, он от судьбы все равно не уйдет. Что? – обернулся к Яшке.

А тот ничего, просто икнул громче прежнего. Однако сказал:

– Милосердный ты, майнхер. Оставил постреленку жизнь.

Бох поморщился.

– Я не милосердный. Есть люди, которых грех не лишить жизни. Например, эти шестеро законченных негодяев. Плох садовник, который не станет вырывать сорняки, потому что они живые.

– Так оно так, – молвил Шельма, косясь на покойников. – Но в Писании-то сказано: «Не убий».

– Мало ли что сказочники понапишут, – усмехнулся Бох.

– Сказочники? – поразился Яшка на кощунство из уст почтенного человека.

– А кто еще? Не хер же Саваоф.

И купец засмеялся.

Вот какой страх случился во время речного путешествия. А больше никаких злоключений, слава Господу, не было.

* * *

В городке Одоеве плавная водяная жизнь закончилась и началась ухабистая, колесная. Но и она Шельмиными стараниями оказалась для хозяина не слишком страдной.

Когда корабль прибыл к месту пересадки, путешественников уже ждали лошади с повозками. Яшкин знакомец, тележный мастер Мосей-Мустафа, из крещеных татар, изготовил всё в лучшем виде, согласно записке, которую Шельма отправил еще из Торжка, – как раз из Новгорода в Рязань скакал гонец и взял бересту за малую плату.

Для купца Мустафа построил настоящую кутарму, удобней которой для степной езды не бывает. Это крытая кибитка на широких колесах, в несколько слоев покрытых кожей особого дубления. Двигается не быстро, но мягко, а на дне, один поверх другого, пять пуховых тюфяков. Ни тебе тряски, ни грохота; дождь, зной и ветер тоже нипочем. Бох уселся – только языком поцокал: ай да Йашка, ай да молодец.

Другая повозка была обычная, для мелкой поклажи. Третья – двойной крепости, предназначенная для железных труб.

Дело в том, что загадку про рогожные свертки Шельма давно разрешил, еще в самом начале путешествия. Кнехтам, видно, велели держать язык за зубами, и на прямой вопрос про груз никто из них не отвечал, но Яшке ихних ответов было и не нужно.

Имелось у него среди разных нужных умений одно несказанно полезное, отточенное еще в детстве: способность слышать, что люди говорят самым шепотом или на изрядном расстоянии.

...Это в цыплячем еще возрасте кормился Яшка при одном барышнике с Торга, слухачом. В слухачи нанимали мальчишек ростом поменьше, умом побойчее.

Серьезная сделка, она не быстро заключается. Стороны сходятся, расходятся пошущукаться со своими, сговариваются, как покупателя либо продавца надуть. А неподалеку вертится-играется малый мальчонка, воробышек божий, никто на него и не смотрит. Это и есть слухач. Подслушает – и к хозяину. Однако если догадаются, беда. Уши выкрутят, подзатыльников надают. Маленький Яшка ухвертов и тумакон не любил, вот и научился издали по губам читать, не хуже, чем подслушивать. Потом много раз в жизни пригождалось. Так же, как кошачий дар видеть в темноте. Но это уже из иных времен, когда по ночам водил купцов в обход мытных караулов, чтоб пошлину не платить. Ох, лихая была работа! Как-то раз на Неве-реке...

Но нет, на это сейчас нечего отвлекаться. Речь-то была про кнехтов.

Подглядел Шельма издали, о чем они между собой шепчутся, и не сразу, а день этак на третий-четвертый разгадал Бохову тайну. Скумекал бы и раньше, да два слова были незнакомые: «трайбладунг» и «бомбаста».

Но потихоньку заглянул в бочонок, поскреб под рогожей, поподслушивал еще – и стало ясно.

Бомбаста – это какая-то новая пушка. То есть пушки – они все новые, появились недавно, на Руси их еще не видывали. Но эти какие-то вовсе небывалые, из литого железа, а потому легче бронзовых. Палят они чугунным ломом либо просто камнями, далеко и сильно. А трайбладунг – это по-нашему прах, горячая пыль, без которой никакая пушка стрелять не захочет. И вот, стало быть, Бох невиданные трубы вез в татарский Сарай.

Очень это показалось Яшке удивительно. Такой большой человек, а из-за четырех железных чушек потащился на край света.

Где-то в рязанской уже земле, ехали они вдоль Дона, а на той стороне было широкое поле, над которым летало множество голенастых серых птиц с длинным клювом. Бох был в хорошем расположении, и Шельма напустился спросить: зачем-де везешь пушки Мамаю, майнхер? Сам знаешь, я не дурак и твою тайну давно исчислил.

Бох не удивился.

– Мои бомбасты помогут канцлеру фон Мамаю взять верх над королем Тохтермишем. Купеческий совет Ганзы решил, что для торговли так будет лучше... Что это за птицы над полем летают?

– Кулики. Они по болотам и речным берегам живут, – ответил Яшка городскому человеку. Сам подумал: как это бомбасты помогут одному татарскому владыке одолеть другого? У них каждого по несколько туменов войска – силища, а тут какие-то четыре дуры.

– А почему везем тайно? Зачем Москву объезжаем?

– Неужто не понятно? У московского эрцгерцога Димитра в Новгороде всюду глаза и уши. Прознали бы – перехватили по дороге. Разве эрцгерцогу нужно, чтобы Мамай усилился? – Немец поглядел вокруг, пробормотал: – Вассершнепфельд.

По-немецки это значило «Поле куликов». Далась ему кулики эти.

– Ну, теперь сторожиться нечего, – успокоил хозяина Шельма. – Московским здесь взяться неоткуда. Ордынская степь близко. К завтраму докатим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/boh-i-shel-ma>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)